

И. Е. СИРОТКИНА

ГЕРЦЕН-ОТЕЦ И ГЕРЦЕН-СЫН: СПОР О НАУКЕ И ЧЕЛОВЕКЕ*

Накануне своего официального совершеннолетия Саша Герцен получил от отца письмо, в котором говорилось:

Естественно было бы желать — чтоб ты шел по пути, тяжело протоптанному, но протоптанному родными ногами, — по нем ты мог прийти бы, например, до того, до чего дошел один из величайших деятелей в России — доктор Пирогов, который как попечитель в Одессе, потом в Киеве приносит огромную пользу, что не мешает ему быть первым оператором в России. Но для этого надо упорно хотеть. У тебя идеал быть профессором в Швейцарии — я не отрицаю этого, но думаю, что ты неэкономно бросаешь возможности, которые другие не имеют. Будь профессором — но для этого развей в себе научные понимания; куча сведений ничего не делает, а пуще всего будь, пожалуй, и не профессор, будь просто человеком — но человеком развитым (1, т. 27, кн. 1, с. 13–14).

Но произошло то, чего так не хотел Александр Иванович Герцен (1812–1870), — его сын стал профессором в Швейцарии, вел жизнь респектабельного буржуа и не вернулся в Россию. Герцен-младший (1839–1906), для которого важнее всего были хорошие условия для работы — оборудованные лаборатории, библиотеки, научное сообщество — «голосовал ногами», предпочтя европейские университеты российским**. Возможно, он также опасался, что общественная деятельность, которую от него ожидали в России, помешала бы занятиям наукой. На родине о нем знали только коллеги-физиологи, и после смерти краткий некролог выражал сожаление о том, что Герцен-младший не пошел по стопам отца, а ограничился научной карьерой вдали от России***. Отец, напротив, занял прочное место

* Статья подготовлена при финансовой поддержке программы «ИНТАС» Европейского Союза, грант № 97–30361. Автор признателен за помощь старшему научному сотруднику Музея А. И. Герцена в Москве Е. Г. Нарской.

** Другие тому примеры — И. М. Сеченов и В. М. Бехтерев, которые после стажировки в европейских лабораториях неохотно возвращались в Россию, где не было необходимых для работы условий [2, с. 100; 3, с. 16].

*** «Исправить ошибку» попытался внук А. И. Герцена и сын А. А. Герцена, Петр Александрович (1871–1947). Как дед и отец, он изучал естественные науки, в том числе физиологию, но кабинетным ученым не стал и в Европе не остался. Получив степень доктора медицины, он в 1897 г. приехал в Россию, выучил русский язык, был врачом и исследователем. При советской власти он стал директором первого в России онкологического института и членом-корреспондентом АМН СССР. См. биографическую статью о нем в [4].

в российском пантеоне, в особенности после того, как В. И. Ленин в статье «Памяти Герцена» (1912) канонизировал его как продолжателя дела декабристов и первого профессионального революционера.

*А. И. Герцен с сыном Сашей. Петербург, 1840 г.
Портрет работы А. Л. Витберга (?)*

то недавно он подвергся критике за то, что якобы принес занятия наукой в жертву революции. Согласно мнению одного историка науки, осуждая кабинетных ученых за отсутствие у них интереса к общественным проблемам, Герцен не понял, что Россию могут спасти только специалисты-профессионалы, и увел молодежь с этого единственно правильного пути на путь революционный [5]. Иными словами, человек уходящей эпохи, Герцен-старший якобы проглядел наступление модернизма, когда движущей силой развития стал научно-технический прогресс, а не политические перевороты.

С этой точки зрения Герцен-младший выгодно отличается от отца: он был сыном своего времени, «человеком эпохи реализма»*, ученым-про-

Разным был их образ жизни: Герцен-старший постоянно менял адреса, а жизнь сына была по-семейному стабильной. Разными были страна и даже язык: после университета сын уехал в Италию, а отец не говорил свободно по-итальянски.

Итак, классическая проблема блудного сына? В послеперестроечное время, однако, оценки изменились, в результате чего «уважаемый отец» несколько потерял в глазах наших современников, а «недостойный сын», пожалуй, приобрел. Герцен-старший попал в немилость у современных историков науки именно за то, за что его превозносил Ленин — за свою революционную деятельность. Если советские историки с гордостью писали о Герцене — ученом и философе,

* Этими словами историк Ирина Паперно озаглавила книгу о Н. Г. Чернышевском и его поколении [6].

А. И. Герцен в Лондоне

фессионалом и пропагандистом науки. Так кто же, романтик-отец или позитивист-сын?

На деле, конечно, ни Герцен-старший не был обскурантистом, ни Герцен-младший — филистером и кабинетным ученым. Отец всегда серьезно интересовался наукой и дал сыну естественно-научное образование. А для сына научная карьера не была башней из слоновой кости: он выступал публично по самым острым в то время вопросам — о происхождении человека от животных, о свободе воли, о вивисекции, совершал долгие научные экспедиции, пытался заниматься бизнесом, работая над собственным способом консервирования мяса. В отличие от отца, которого в конце его жизни «новые люди» критиковали за мягкотелый либерализм, сын вполне мог вызвать симпатии нигилистов: он придерживался материалистических взглядов, резал лягушек и был членом партии «Земля и воля».

Но драма различия все-таки оставалась, хотя проявилась она не в семейных отношениях, которые, несмотря на разницу темпераментов*, на законные старания отца воспитывать, а сына — жить по-своему, всегда были теплыми. Разногласия оказались перенесены в их философский спор о свободе воли. Этот, подчас заочный, спор ложился в контекст более широкой дискуссии о человеческой природе и о роли естественных наук в познании человека. Не касаясь всех деталей этой дискуссии, я предлагаю посмотреть, в чем расходились и в чем совпадали взгляды «старомодного» Герцена и Герцена-«модерниста».

Наука

По установившемуся мнению, А. И. Герцен был не «ученым», а «интуитивным» типом. Большой его поклонник и сам знаменитый либерал, Исая Берлин считал, что Герцен не приобрел вкуса к академическим классификациям потому, что обладал уникальной способностью чувствовать социально-политическую жизнь изнутри [8, с. 207]. Тем не менее интерес Герцена к естественным наукам общеизвестен. Еще до поступления на физико-математический факультет Московского университета он много читал по натурфилософии, сам печатался в научных журналах и посещал заседания Московского общества испытателей природы [9, с. 39]. Университет Герцен окончил с отличием, получив второе место за конкурсную работу по астрономии, но на кафедре не остался. Вернувшись после тюрьмы и ссылки, он вновь занялся естественными науками в связи с работой над «Письмами об изучении природы». Сам он объяснял свой интерес тем, что естественные науки помогают многое понять в «вечных вопросах» [10, с. 199–200]. Правда, теперь его более физики и химии интересовала органическая природа: он посещает лекции по анатомии и физиологии и наблюдает в анатомическом театре за опытами по «вскрытию живой собаки». Другу, недовольно-

* А. И. Герцен, по свидетельству Н. А. Тучковой-Огаревой, называл сына «l'homme aux froides passions» — «человеком с холодными страстями» [7, с. 257].

му тем, что Герцен углубился в естественные науки, тогда как изучение социально-политических наук было бы более актуально, тот отвечает: «В наше время нет философии без физиологии... Нас к естественным наукам привела логика» [9, с. 333].

Но напрасно друзья упрекали Герцена в узости мысли — он этого заслуживал меньше, чем кто-либо. В юности он сам предупреждал свою будущую жену Наташу Захарьину об односторонности увлечения науками, которые «холодны» и «режут труп природы» (цит. по [11, с. 161]). Его собственный интерес к наукам никогда не был самодовлеющим. Он писал, что не может понять науку иначе, как «историю мира», в котором природа играет довольно важную, но не всепоглощающую роль [9, с. 335]. Чтение книг по истории, философии, политических памфлетов и, конечно, литературы с детства занимало его в гораздо большей степени. Вольтер, Руссо, философы романтизма, Жуковский и Пушкин составляли для него столь же неотъемлемую часть «истории мира», как и естествознание. Того, кто думал иначе — «На что химику “Гамлет”? На что физику “Дон Жуан”?», — Герцен со свойственной ему страстностью высмеял под именем узколобых «цеховых ученых», судящих о жизни не выходя из кабинета [12, с. 37].

Это не означало, что Герцен не ценил профессионализма и упорного труда исследователей природы. С той же страстностью, с какой он протестовал против замкнутости кабинетных ученых, он писал о противоположной опасности дилетантизма. В романе «Кто виноват?», в котором много автобиографического, он с иронией пишет о кратковременном увлечении Бельтова медициной. Тот искал в ней ответов на «вечные вопросы» и, не найдя, ограничился лишь поверхностным изучением:

Одаренный быстрым умом, он очень скоро наткнулся в новых занятиях своих на те вопросы, на которые медицина учено молчит и от разрешения которых зависит все остальное. Он остановился перед ними и хотел их взять приступом, отчаянной храбростью мысли, — он не обратил внимания на то, что разрешения эти бывают плодом долгих, постоянных, неутомимых трудов: на такие труды у него не было способности, и он приметно охладел к медицине [13, с. 169].

И впоследствии Герцен восхищался упорством естествоиспытателей, таких, как его друг физиолог Карл Фогт (1817–1895). Сам он познал радости «чистой любви к науке» в университете, но после первого жесткого столкновения с миром его стали занимать другие вещи. Больше, чем ученых, — ведь те жили в университетских городах, центрах цивилизации и гуманизма — он ценил теперь просто «образованных людей», но таких, которые сохраняли чувство собственного достоинства и способность к действию в гораздо менее благоприятных условиях, — например, живя в провинциальной Вятке или Новгороде, где сам Герцен провел несколько лет в ссылке и где, как Бельтова в его глуши, его томили «прежние мечты ... о гражданской деятельности» [13, с. 169].

Герцен верил, что наука получает ценность только когда «ринута в жизнь»; хотя она и «выше жизни, но в этой высоте свидетельство ее односторонности» (цит. по [11, с. 168 и 170]). Поэтому его больше привлекает, к примеру, студент, который изучает медицину с целью найти «тайну воскресения» и вернуть любимую к жизни*, чем кабинетный ученый. «Цеховому ученому» Вагнеру с его «плоской, непогрешительной правдой» он противопоставляет мыслителя Фауста, для которого «наука — жизненный вопрос “быть или не быть”» [12, с. 56]. Подобно гетевскому Фаусту, умудренный жизнью Герцен сетует на то, что теория суха: «В теории можно понять всякую истину, а на практике не устроишь свой домашний быт» (цит. по [11, с. 187–188]).

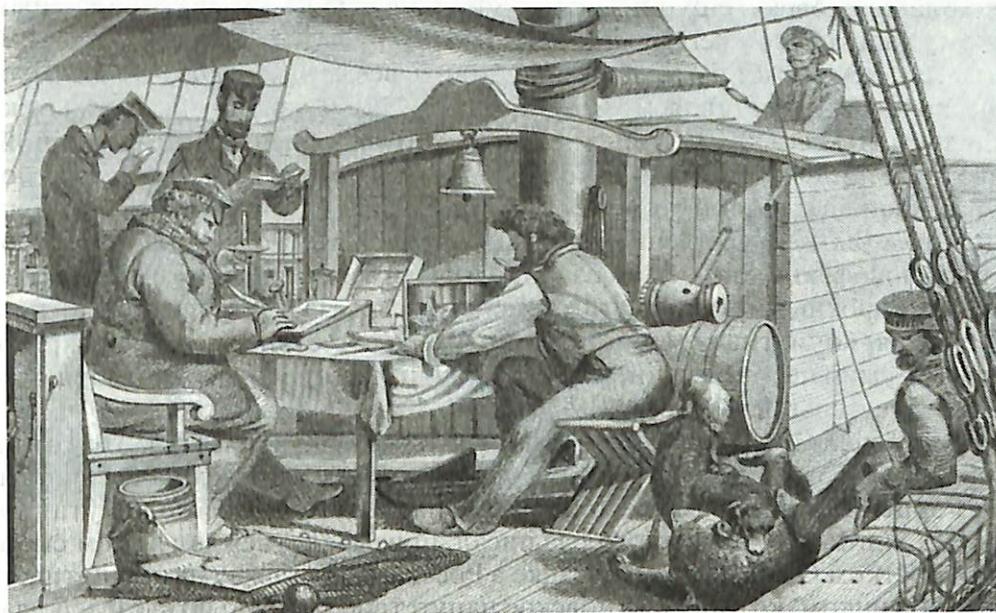
Но критика науки была в те годы не в моде. Французский философ Огюст Конт (1798–1857), искавший убежища от теологии и метафизики в «позитивном» научном знании, быстро завоевывал симпатии европейских интеллектуалов. К его последователям быстро пристало имя «позитивисты». Их российские родственники — «нигилисты», или «реалисты», как они сами себя называли, — призвали избавляться от предрассудков с помощью естествознания и выбросить как старый хлам разговоры о душе. Герцен-старший окрестил их желчными людьми, «желчевиками» [14, т. 10, с. 413]. Континанец Г. Н. Вырубов (1843–1913), издававший в Париже вместе с другим последователем Конта, Эмилем Литре, «Журнал позитивной философии»**, защищался от Герцена иронией. «Он, — писал Вырубов о Герцене, — правда, относился с большим почтением к точной науке, ... но почтение его было, так сказать, платоническое. Он признавал научные методы постольку, поскольку они не стеснили свободы его умозрения; мысль его не признавала никаких рамок, при первом затруднении она неудержимо стремилась перешагнуть границы строго научного знания» [15, с. 295]***. По свидетельству другого современника, «Герцен, оставаясь верным научно-философскому кредо, не мог соглашаться с некоторыми положениями правоверного позитивизма. В нем сидел слишком убежденный и пылкий поборник революционного движения, он не мог соглашаться на слишком спокойное и объективное признание законов социологии» [15, с. 313].

«Спокойно и объективно» признать незыблемость границ «строго научного знания» было равнозначно для Герцена отказу от свободы. Свобода была для него главной ценностью, и из-за этого он, как пишет Берлин, «не терпел конформизм, трусость, подчинение тирании грубой силы или давлению мнения», пусть даже мнения ученых [8, с. 87]. Когда наука превращалась в догму, Герцен считал ее врагом, но вновь обращался к ней, когда видел союзника. Образование сына он начал, в духе Просвещения, с естественных наук, чтобы «очистить отроческий ум от предрассудков, дать ему возмужать на этой здоровой пище» [12, с. 219]. Его помощником в этом был

* Сюжет повести, которую Герцен хотел написать в Вятке; см. [9, с. 100].

** «Revue de philosophie positive», 1867–1883.

*** В свою очередь, Герцен писал о Вырубове: «Чистый и добрый человек, он доктринерством съел свое сердце и к окружающему относится как адвокат или прокурор» [15, с. 408].

Экспедиция в Исландию летом 1861 г.

А. А. Герцен (стоит с книгой в руках), Карл Фогт (пишет за столом)

известный натуралист Карл Фогт; он читал лекции по физиологии для всей семьи Герцена и давал уроки сыну [7, кн. 1, с. 198]. Подросток Саша с успехом занимался естественными науками на разных курсах, а в качестве подарков к дню рождения отца «делал наглядные опыты» и читал «лекции с очень ясными толкованиями, которыми его отец оставался очень доволен» [16, с. 135]. Получать университетское образование отец отправил его к тому же Фогту в Швейцарию. Саша и жил в Берне в доме отца Фогта, также профессора медицины, и одно время даже был помолвлен с его внучкой Эммой. А Карл Фогт брал Сашу в научные экспедиции, подчас продолжительные и опасные, как, например, их морское путешествие в Исландию [17].

Фогта в наше время чаще всего вспоминают, вместе с голландским врачом Якобом Молешоттом (1822–1893), как сторонника крайне материалистического взгляда на человека, согласно которому «мысль находится почти в таком же отношении к головному мозгу, как желчь к печени или моча к почкам» [18, с. 335]. Его написанные популярно книги по естествознанию много переводились, в частности в России, и несомненно повлияли на интерес молодого поколения к естественным наукам. Герцен сблизился с Фогтом в тяжелый для него период, и тот своим «простым и ясным отношением к жизни» помог ему. Но позже он писал, что во многом расходился с Фогтом [19, с. 152], в том числе, добавим мы, в понимании роли естественных наук. Для естествоиспытателя Фогта физиология давала высшее знание о человеке, хотя ничего прямо не говорила о его сознании, ценностях, языке.

Еще в России Герцен протестовал против сугубо естественно-научного подхода к человеку, спрашивая, как можно «человека сделать животным потому только, что у него *есть все, что у животного?*... Если человек, чтоб быть тем, чем может быть, должен оставить все *человеческое*, что же человеческого в этом оставляемом?» [12, с. 221–222]. Физиология, как мы уже видели, интересовала Герцена не своей «химико-физической» стороной, а «верхними своими ветвями», которые ведут к изучению мозга в его отношении к «нравственной стороне» [12, с. 226]. Если физиология, считал Герцен, хочет быть «естественной историей души», она не должна игнорировать философские вопросы о сознании, нравственности, об отличиях человека от животных. Фогт же этих вопросов всерьез не затрагивал, как и не стремился, «очистив» ум юного Александра естествознанием, раскрыть для него «мир человеческий, мир истории, из которого двери открываются прямо в деятельность» [12, с. 219].

Сам Герцен, хотя и поощрял Сашин интерес к науке, мечтал, что тот на этом не остановится. Он видел сына общественным деятелем в России, там, где Герцен оставлял ему самое ценное наследство — свою репутацию [1, т. 27, кн. 1, с. 10]. Он много раз писал, призывал, убеждал в этом сына, и подростком Саша думал о поездке в Россию*. Но между пятнадцатилетним мальчиком, которого отцовское напутствие тронуло до слез**, и двадцатилетним выпускником университета в Берне была большая дистанция. Вопреки отцу, не могшему видеть своего единственного сына «почтенным профессором, филистером, женатым на немке» [1, т. 27, кн. 1, с. 13], идеалом Герцена-младшего стали профессорство и семейный уют, которого ему так не хватало после смерти матери***.

Хотя и Герцен, и Сашин «второй отец» — Н. П. Огарев (1813–1877) — хотели бы видеть его продолжателем их дела, они поощряли его научные занятия. Огарев, которого естественные науки всегда интересовали, предлагал ему обсуждать естественно-научные вопросы в письмах, рекомендовал читать Гельмгольца и не приносить специальность — физиологию — в жертву «общим занятиям» — главным образом, чтению того же Конта [20, с. 95]. Старшие опасались, что Саша «утратит страсть к науке и работе» [7, кн. 1, с. 381] — уже почти тридцатилетний, тот жаловался на отсутствие «врожденных способностей» к физиологии [20, с. 95–96]. Эти жалобы прекратились, когда Саша женился и его пребывание во Флоренции, где он был ассистентом в лаборатории известного физиолога Морица Шиффа (1823–1896), приобрело новый смысл. Сбылась мечта о семейном счастье:

* Возвращающемся в Россию другу Герцена Саша писал: «Как я желал бы быть снова с вами, и особенно пожить с вами в России. Надеюсь, это время когда-нибудь придет!» [7, кн. 2, с. 302].

** В качестве новогоднего подарка к наступающему 1855 г. Саша получил от отца посвященное ему русское издание книги «С того берега». В нем Герцен благословлял сына на революционный путь «человеческого разума, личной свободы и братской любви» [14, т. 5, с. 383].

*** Н. П. Огарев, наставляя Сашу, писал: «Нельзя поставить себе целью быть отцом семейства... Тебя к этой цели увлекает самолюбие и критика над домом нашим, критика, впрочем, довольно узкая» [7, кн. 1, с. 361].

А. А. Герцен с семьей. Швейцария, 1905 г.

его жена, итальянка Терезина Феличе (1851–1927), родила ему девять детей. После тринадцати лет работы во Флоренции он получил профессорскую кафедру в Лозанне*; последние тридцать лет своей жизни Александр Александрович Герцен провел в окружении своей семьи в Швейцарии**.

Свобода воли

В марте 1867 г. А. А. Герцен прочел во флорентийском Музее естественной истории публичную лекцию, в которой сообщал результаты своих исследований нервной системы. Он коснулся и актуального вопроса о том, насколько действия подчинены воле человека, а насколько зависят от организма и среды. По его собственным словам, он «утверждал, что вся деятельность животных и человека есть просто развитие рефлекса и сводится к нему, как к своему первообразу, и что поэтому свобода воли недопустима

* Мориц Шифф преподавал физиологию в Берне, а затем переехал во Флоренцию. В 1863 г. А. А. Герцен, который познакомился с Шиффом во время учебы в Берне, стал его главным ассистентом во флорентийской лаборатории. Уже через два месяца после начала работы ему пришлось выступить в защиту Шиффа, чьи физиологические эксперименты вызвали протесты со стороны защитников животных. Позже он опубликовал эту полемику со своими ироническими комментариями в виде стенографического отчета из зала суда [21]. В 1873 г. по инициативе нескольких англичан возникло Флорентийское общество защиты животных, в которое входили в основном итальянские аристократы. В 1876 г. Общество потребовало, чтобы эксперименты на животных проходили под их контролем. В знак протеста Шифф подал в отставку; с ним вместе «в никуда» ушли сотрудники, в том числе А. А. Герцен, у которого тогда уже было восемь детей. См. об этом [22].

** Биографические сведения см. также в статье А. И. Матюшенко «Александр Александрович Герцен» в [7, кн. 2, с. 280–295].

и может считаться иллюзией» (цит. по [23, с. 426]. Дочери Герцена, Наталья и Ольга, присутствовали на этой лекции и написали отцу о ее «полном и заслуженном успехе» [7, кн. 1, с. 373].

Когда Герцен-старший прочитал текст лекции, он написал сыну длинное письмо. Его справедливые аргументы: и то, что свобода воли — не галлюцинация, а первейшая реальность человека, и то, что вопрос об этом выходит за пределы физиологии, заставили Герцена-младшего «много размышлять», но не переубедили. Доказывая, что «проблема свободы воли есть по существу исключительно физиологическая проблема» [23, с. 426], он пишет книгу «Физиология воли», которую Герцен-старший уже не успел прочитать [24]. Он снова и снова возвращается к своей полемике с отцом, публикуя то самое письмо, которое «заставило его много размышлять», сначала по-итальянски, потом, вместе со своими возражениями, во французском философском журнале [25]. Спустя несколько лет он включает это письмо в свой итоговый физиологический труд [26, с. 1–8], а в популярной работе, предназначенной для широкой аудитории, вновь возвращается к разделявшему их с отцом вопросу о «воле, свободе и нравственности» [27, с. 221].

Утверждая, что все, в том числе произвольные, движения и действия можно объяснить рефлексами, Герцен-сын не был оригинален. Достижения физиологии обращали на себя внимание, и материалистический взгляд на человека вошел в моду. В России влиятельный Чернышевский убеждал своих читателей в том, что «на человека надобно смотреть как на одно существо, имеющее только одну натуру» — природную [28, с. 83]. Во многих отношениях это была более нравственная позиция, чем та, которую описывал современник:

Предполагалось, а в некоторых случаях даже громко утверждалось, что человек есть существо по преимуществу духовное, которому довлеет возноситься мыслью и чувством к высшим надзвездным сферам, а брэнную телесную оболочку презирать. Это была условная фикция. У всех она была на языке, так что она несколько не мешала теоретически превозвышенному человеку на практике с полным удовольствием валяться в нравственной грязи [29, с. 326].

Излюбленным чтением молодого поколения стали «Рефлексы головного мозга» И. М. Сеченова (1829–1905) — книга, в которой автор поставил себе задачу объяснить органическими причинами «деятельность человека ... с идеально сильной волей, действующего во имя какого-нибудь высокого нравственного принципа и отдающего себе ясный отчет в каждом шаге, — одним словом, деятельность, представляющую высший тип произвольности» [30, с. 75].

Когда вскоре после этого Сеченов занялся исследованием рефлексов лягушки и нашел в ее головном мозгу то, что ему казалось центрами торможения (см. об этом [31; 32, с. 192–214]), он поверил, что приближается к желанному объяснению произвольного поведения. «Сны, которые виделись

мне, когда я писал “Рефлексы головного мозга”, осуществляются», — общал он в письме [32, с. 201]. Но его выводы о существовании особых центров торможения были тут же оспорены. С опровергающими экспериментами выступили Мориц Шифф и молодой Герцен, которые относили ослабление рефлексов на счет утомления нервной системы [33, с. 100–103]. Огарев, зная об общественной репутации Сеченова в России, предупреждал Сашу «не забыть в полемике, что его [Сеченова] считают очень хорошим человеком вообще, то есть в отношении общего направления студентов» [7, кн. 1, с. 369]. В самом деле, хотя полемика с Сеченовым была чисто научной, а аргументы Шиффа и А. А. Герцена не менее убедительными, она повредила репутации последнего в России, особенно в ретроспективных оценках советских историков науки*. Но в общих вопросах они не расходились. Сеченов вполне мог иметь в виду и работы Герцена-младшего, когда писал: «Мысль о внешнем сходстве со стороны происхождения между чистыми рефлексами и психическими актами настолько уже выяснилась в последнее время, что начинает проникать даже в иностранные элементарные учебники физиологии» (цит. по [34, с. 19]). Можно было праздновать тот факт, что понятие свободы воли, означавшее, что человек подымается над природой и изымается из власти ее законов, сдано в философский архив.

Напротив, для Герцена-старшего свобода была «феноменальной реальностью человеческого разума», ощущаемой кожей «психологической реальностью» [12, с. 350]. Его самоощущение взросло на рассказах о декабристах, на пушкинском «Пока свободой горим...». Тюрьма и ссылка убедили его в том, что несвобода не менее реальна, чем свобода. Саша же рос в Англии — в то время самой свободной в политическом отношении стране, где уважение к личности, к свободе действий было чем-то само собой разумеющимся**. Тем не менее либеральная традиция вовсе не допускала удовлетворения любых желаний, как не поощрял этого и требовательный Сашин отец. Как в английском обществе, так и дома Саше была предоставлена свобода делать то, что он хотел, но при этом от него требовалось хотеть лишь определенных вещей — тех, которые считались нравственными. Когда он в двадцать лет задумал жениться, отец резко ему отказал, написав, что свобода — «вещь очень хорошая и совершенно отрицательная» [1, т. 27, кн. 1, с. 16]. В результате сын прочно усвоил, что «личность свободна делать, что она хочет, но она не свободна хотеть, чего хочет» [27, с. 225]. Свободное действие, писал он, «есть выражение идеи, которую деятель себе составил о своем долге» [27, с. 230].

* Официальный советский историк физиологии Х. С. Коштоянц очень скуп и в основном негативно упоминает об А. А. Герцене [32, с. 212].

** Английский историк Эдвард Карр пишет о том, что Саша «рос не как отец, в туманной атмосфере романтических тридцатых годов, а в викторианской Англии пятидесятых, в эпоху прочности и процветания». Пожалуй, Карр несколько преувеличивает, когда вслед за этим утверждает: «Революция для него ничего не значила, и страна, где он родился, была не более чем названием на карте» [35, с. 152].

Читая Конта, Герцен-младший все более убеждался в том, что «сознание высказывается против свободы и за необходимость» [26, с. 122]. С последовательностью, высоко оцененной современниками, Конт первый заявил о том, что человека, общество и историю нельзя исключить из сферы действия законов природы. Исторические случайности, общественная анархия, индивидуальная свобода, считал он, должны быть объяснены как частные случаи некоей закономерности. «Подлинная свобода, — писал он, — это не что иное, как разумное подчинение господству законов природы» (цит. по [36, с. 93]). Уверовав в позитивизм со всем своим юношеским пылом, Герцен-младший обвинял в двойственности всех тех, кто, как и его отец, признавая необходимость в природе, в рассуждениях о человеке продолжает держаться за понятие свободы. В общепринятом понятии свободы Саша видел много лицемерия. В юриспруденции, считал он, свобода действий признается лишь за прошлым — потому, что только тогда возможно осудить человека за его действия, — а будущее считается детерминированным, подконтрольным людям, и этим оправдывается наказание [37, с. 387].

Герцен-старший также считал, что понятие свободы необходимо демифологизировать, но категорически не соглашался с тем, что оно излишне [12, с. 350]. Поэтому Герцен-младший очень выборочно цитировал отца, сочувственно приводя только то единственное место, где один из персонажей книги «С того берега», старый доктор-скептик, изрекает: родиться свободным — значит родиться зверем [38, с. 171]. Свобода, считает он, — чисто негативная характеристика, а так называемая воля — это продукт органических процессов, «эволюции самопроизвольности», под которой он имеет в виду «совокупность индивидуальных особенностей организации, врожденных и приобретенных, постоянных или временных» [26, с. 111–112].

Но доказывая, что свободная воля — это иллюзия, физиологи постоянно сталкивались с тем, что в жизни людей она занимает большое место. Даря экземпляр «Рефлексов головного мозга» своей будущей жене, Сеченов поспешил уверить ее в существовании любви и нравственности*. Подчинив человека природной необходимости, физиологи должны были отыскать место для его ценностей, чувств. Оно нашлось среди инстинктов животных. Согласно убеждению, которое разделял и Герцен-младший, «инстинкт сохранения индивида (питание)» — это начало человеческого эгоизма, «инстинкт сохранения вида (размножение)» — зачаток альтруизма. Нравственность, или «искусство индивидуального и социального поведения, ... состоит в гармоническом соединении этих понятий» [39, с. 8]. Источник нравственной жизни, утверждал Герцен-младший, в следовании «внутренней природе», ибо, спрашивал он риторически, «какой другой

* Сеченов приписал в книге: «В заключение считаю долгом успокоить нравственное чувство моего читателя. Развитым перед этим учением нисколько не уничтожится значение доброго и прекрасного в человеке: основания для нашей любви друг к другу будут вечны, подобно тому, как человек вечно будет ценить хорошую машину и предпочитать ее дурной из разряда однородных» (цит. по [34, с. 20]).

императив был бы более категорическим, чем тот, который есть выражение внутренней природы человека?» [26, с. 111-112]. Возводя нравственность к свойствам организма, он думал, что ответил на вопросы, мучившие отца и его самого. Говоря о «благородных инстинктах» человеческой природы, сын, однако, не заметил, что Герцен-старший давно перестал в них верить*.

Эволюция и история

Вскоре после выхода «Происхождения видов» Дарвина А. И. Герцен в письме из Англии сообщал сыну об этой новинке [40, с. 140]. Несколько лет спустя, в марте 1869 г., Герцен-младший сам прочел во Флоренции лекцию о родстве человека и обезьяны. Сообщение о лекции в итальянской газете «La Nazione» побудило некоего аббата Ламбускини выразить свою озабоченность «безнравственной теорией». Молодой ученый отвечал, что он не менее аббата озабочен благом простых людей, но исходит из другой системы морали. По его мнению, научные открытия вроде дарвиновского должны освободить людей от власти предрассудков. Родство с животными, быть может, не слишком льстит человеческому самолюбию, но открывает перспективу «безграничного совершенствования человечества». На шутки итальянцев: «Вот тот, кто говорит, что его отец родился обезьяной», он отвечал шуткой: «Кто знает, возможно, это правда?» (цит. по [22, с. 114-115]).

Старшие, Герцен и Огарев, откликнулись на полемику одобрительно. Огарев писал Саше: «Я рад, что ты ругаешься с попами» [7, кн. 1, с. 384], а Герцен шутливо представлялся в письме детям «старой гориллой» [7, кн. 1, с. 224]. Более осторожно отец, по-видимому, относился к словам Саши о «безграничном совершенствовании человечества». В этой излюбленной утопии Просвещения были, на его взгляд, неясности: во-первых, как понимать это совершенствование — как возрастание разума и морали или еще и как физическое развитие? Во-вторых, существует ли вообще у истории сценарий?

В молодости Герцен-старший сам зачитывался К.-А. Сен-Симоном, верившим в то, что человек обладает неограниченными способностями во всех направлениях — может в одно и то же время достигать прогресса в господстве над природой, в развитии чувств и в накоплении знаний [41, с. 624]**. Он писал Огареву о том, что «мир ждет обновления», мечтал о том, чтобы «создать новое, палингенезическое время», «другие основания положить обществам Европы; более права, более нравственности, бо-

* Согласно английскому историку Эдварду Актону, Герцен-старший, вначале разделявший руссоистские взгляды на человека, пересмотрел их после рождения Саши [40, с. 138]. Хорошо известна критика воспитания по методу «назад к природе» в романе Герцена «Кто виноват?».

** Интересно, что современник Сен-Симона физиолог Ксавье Биша выделил на этом основании три человеческих типа — церебральный, чувствительный и мускульный [42, с. 131].

лее просвещения» (14, т. 1, с. 117)*. Он был хорошо знаком с натурфилософскими концепциями, которые элегантно вписывали развитие человечества в общемировой сценарий. Самой известной из них была грандиозная периодизация Ж.-Л. Бюффона, который выделял в развитии мира семь эпох, начиная от космогонической и кончая эпохой господства человека над природой. Герцен прекрасно знал и работы Кювье, который дополнил натурфилософию Бюффона эволюционной идеей.

Идея о том, что эволюция не завершена, стала особенно популярной в эпоху Французской революции. Как писал тогда один французский врач, «история человека только началась, и еще неизвестно, какой эпохой новый Бюффон мог бы ее закончить» [44, с. 1]. Однако уже Бюффон верил, что человек может в будущем улучшить себя не только интеллектуально и физически — если медицина и другие способы защитит здоровье человека достигнут уровня, сравнимого, например, с уровнем развития военного искусства [45, с. 279]. Революция дала новую пищу этим надеждам. Врачи, участвовавшие в государственном строительстве, начали говорить о культивировании человека. Их «наука о выращивании гигантов» — «мегалогенез» — стала предшественницей евгеники**. Вслед за ними Спенсер, Дарвин и Уоллес верили в то, что поскольку человек — продукт эволюции, он может быть превзойден [47]. Альфред Уоллес восторженно грезил о том, что в будущем люди «разовьют способности своей высшей природы, чтобы превратить эту землю, долгое время бывшую театром игры ничем не сдерживаемых страстей, в самый сверкающий рай, какой когда-либо грезился визионеру и поэту» (цит. по [48, с. 176]).

Герцен хорошо знал и любил «визионеров и поэтов» Гердера и Гете, у которых натурфилософия плавно переходила в философию истории: и царство природы, и царство человека подчинялись закону прогрессивного развития, эволюции. Он зачитывался Шеллингом и Гегелем, пытавшимся увидеть в природе развертывание человеческого духа, «историю нашего пути к свободе» (Шеллинг, цит. по [49, с. 31]). Но идея о том, что развитие мира представляет собой исполнение каких-то высших законов, стесняла Герцена. Он еще допускал, что природа развивается по законам эволюции, но от мысли о том, что человеческая история следует некоему сценарию, на него веяло невыносимой скукой. «Будь *libretto*, — писал он, — история потеряет весь интерес, сделается ненужна, скучна, смешна». Один из героев диалога из его книги «С того берега» излагает, по-видимому, точку зрения самого Герцена, когда говорит:

Если б человечество шло прямо к какому-нибудь результату, тогда истории бы не было, а была бы логика, человечество остановилось бы готовым в непосредственном *status quo*, как животное. ... В истории все — импровизация, все — воля, все *ex tempore*,

* Термин «пали(н)генезическое время» ввел, по-видимому, швейцарский натурфилософ Шарль Бонне. Его работа (Charles Bonnet. «Paligenesie historique») появилась на русском языке в переводе Н. М. Карамзина в знаменательном 1789 г. См. [43, с. 79–80].

** См. о ранних евгенических теориях во Франции и о роли врачей в этом течении [46].

впереди ни пределов, ни маршрутов нет; есть условия, святое беспокойство, огонь жизни и вечный вызов бойцам пробовать силу [14, т. 5, с. 407].

Высказав свое кредо, Герцен готов был согласиться с оппонентами и в том, что «законы исторического развития не противоположны» ни законам логики, ни законам природы, и в том, что «доля всего совершающегося в истории покорена физиологии, темным влечениям» [14, т. 5, с. 433]. Он склонен думать, что человек развивается биологически: его мозг растет, «церебрин улучшается» [14, т. 5, с. 405]. Он даже допускает, что свобода человека может быть ограничена его природой, и в будущем «люди натолкнутся на какие-нибудь пределы, лежащие в самой природе человека, на такие физиологические условия, которых нельзя будет перейти, оставаясь человеком» [14, т. 5, с. 407]. Но все это — только уступки естественно-научному взгляду; пафос самого Герцена — «человек свободнее, нежели обычно думают. Он много зависит от среды, но не настолько, как кабалит себя ей» [14, т. 5, с. 472].

Сознание и автоматизм

Возможно, сын был прав, когда упрекал отца в непоследовательности — в вопросе о развитии человечества, как и в вопросе о свободе воли. Общее мнение в то время было таково, что тот, кто не разделял контианский взгляд на историю как на закономерную последовательность причин и следствий, считался безнадежно отставшим от жизни*. Герцен-младший соглашался с отцом только там, где тот занимал позицию естествоиспытателя, — например, во мнении, что животные «исчерпали все возможности, которые представляла их бедная организация, и осуждены роковым образом вращаться в кругу более или менее полного автоматизма». Из этого круга, писал он, удалось выйти только одному человеку, в результате чего «перед ним открылся необъятный горизонт новых, все более и более сложных приобретений» [26, с. 195].

Впрочем, Герцен-физиолог тотчас же предлагал свой собственный сценарий человеческого развития. В то время как круг осознаваемого, пишет он, постоянно расширяется, то, что уже осознано, становится автоматическим. Сознание поэтому необходимо только для перехода от одного уровня автоматизма к другому, само же по себе, считает Герцен-младший, это явление негативное. В его попытке демифологизировать сознание он доходит до противоположной крайности, называя его дезинтеграцией — процессом «утомляющим, дающим наибольшее количество продуктов распада». «Сознательный процесс, — полагал он, — указывает на новизну, неуверенность, колебания, на несовершенство ассоциации, недостаток быстроты и точности проведения, на потерю времени при совершении реакции. Он указывает на то, что нервные пути недостаточно расчищены...» [26, с. 192]. Гер-

* Мой вольный перевод слов Джона Стюарта Милля, цит. по [50, с. 426].

цен-младший, правда, не вполне согласен со своим английским коллегой, психиатром Генри Модсли (1835–1918), который считал сознание чем-то «случайным, для жизни вовсе не необходимым» [38, с. 270]. Но их расхождения, по собственному выражению А. А. Герцена, — всего лишь внутрисемейные вопросы физиологов [37, с. II]. В своем, по словам историка, «грандиозном нигилистском видении» сознания [51, с. 149] они были едины.

По сравнению с негативными процессами сознания, автоматические акты — «менее всего утомляющие, совершающиеся с наименьшей энергией процессов функционального распада» — представляют собой положительную фазу «реинтеграции». Они, считает А. А. Герцен, в гораздо большей степени, чем сознание, нужны в повседневной жизни; более того, автоматизмы составляют «необходимое условие умственного прогресса» [26, с. 192]. Он мечтает о том, что в будущем человек достигнет «стабильности инстинктов» и «господства мозга» путем превращения некоторых видов интеллектуальной активности в автоматизмы, в формы «церебральной организации». В этом прогнозе он был не одинок: французский математик, один из создателей статистики, А.-О. Курно (1801–1877), которого современники называли «большим позитивистом, чем Конт», примерно в это же время пишет о «превращении мозга в инструмент практических расчетов», о контроле над инстинктами и стабилизации человечества, переходе его в, так сказать, автоматический режим функционирования [52, с. 67]. В отличие от Курно, убежденного в прогрессе общества, Герцен-младший не исключает пессимистического сценария развития человечества. Существуют, утверждает он, биологические границы совершенствования, достигнув которых, человек превратится в подобный животным рефлекторный автомат. По-видимому, испугавшись нарисованной им самим мрачной перспективы, он спешит заметить, что это произойдет не ранее, чем погаснет Солнце [38, с. 274].

Герцен-старший понимал, что физиология прекрасно обходится без понятия сознания, как и без понятия я. В том самом письме сыну о свободе воли он констатировал: «органическое существование возможно без сознания или с сознанием неопределенным, которое сводится к чувству страдания, голода и мускульного сокращения. Для физиологии жизнь не останавливается вместе с сознанием, но продолжается в различных органических системах» [12, с. 349]. Уберечь дорогие ему категории свободы, сознания и нравственности от физиологического нигилизма можно было, только опершись на авторитет других наук. Он ищет такую возможность в нарождающейся социологии.

Термин *sociologie* предложил Конт, который выделил в науке о живом — «органической физике» — две поддисциплины: физиологию и социологию. Они пользуются одним и тем же естественно-научным методом, но изучают разные предметы. Трактовка отношений этих двух дисциплин у Конта всегда была неоднозначной: с одной стороны, поставив в своей классификации социологию после биологии, он тем самым формально подчинил ее этой последней. С другой стороны, Конт умерял претензии

биологии на то, чтобы давать исчерпывающее знание о человеке, вынеся общество как предмет изучения за пределы ее компетенции [50, с. 426–433]. Однако его последователи — в частности, социобиологи — попытались склонить чашу весов в пользу биологии. Герцен-младший также стремился к тому, чтобы окончательно утвердить ее приоритет. По-видимому, для этого он перевел на французский язык книгу итальянского философа Петра Сицилиани, который утверждал: социология, чтобы выполнить свою задачу и раскрыть законы развития общества, должна соединиться с биологией, стать «не более, чем одним из ее органов» [53, с. 172].

Напротив, Герцен-старший, соглашаясь с Контом в необходимости социологии как независимой науки, так называемой «физиологии общественной жизни» [14, т. 5, с. 433], ставил акцент на том, что социальное должно исследоваться особо от природного. Кроме естественно-научного знания о человеке, убеждал он сына, существует такое знание, которое нуждается в понятиях сознания и *я*: «я для физиологии не больше, чем текучая форма органических деятельностей, относимых к известному центру, подвижная точка пересечения их, обуславливаемая привычкой и сохраняемая памятью. В социологии *я* — совсем другое дело: там это — первый, основной элемент, *клеточка социальной ткани*, совершенно необходимое условие». В отличие от физиологической фикции *я*, утверждал Герцен-старший, «социальное *я*, напротив, предполагает сознание» [12, с. 349]. Он надеялся, что социология вернет человеку сознание, хотя и видел, что она ставила себе другие задачи — стать частью позитивного знания, подобного естественно-научному.

Итак, позиции отца и сына никогда не были ни однозначными, ни противоположными. Когда Саша был маленьким, его отец защищал естественно-научный взгляд на человека от критики своих друзей-гуманитариев. Он убеждал их в том, что современная физиология далеко ушла от вульгарно-материалистического понимания мысли как «секреции мозга». Правда, признавал Герцен, физиологи по-прежнему заявляли, что не представляют «ни одного сильного чувства, ни одной сильной деятельности без изменения в качественном состоянии мозга». Но он видел в этом стремление изучать человека как целое, говоря, что «это только показывает нам человека von einem Guss» (в целостности) [12, с. 231]. Однако когда сын вырос и сам стал физиологом, его отец убедился в обратном — физиология лишила человека сознания и *я*, разрушила «цельность», и человек исчез в «вихре рефлексивных актов». Теперь Герцен-старший призывал утраченное восстановить [12, с. 346]. Еще четверть века спустя оказалось, что и сыну были вовсе не чужды стремления отца сохранить человеку сознание и нравственность. Физиолог Герцен возвел нравственность во «внутренний принцип» организма, пресловутое *я* заменил понятием личности и считал задачей воспитания «укрепить это единство морали и действий» [26, с. 212].

Незадолго до того, как отец и сын Герцены начали письменный спор о свободе воли, друг семьи И. С. Тургенев опубликовал свой роман «Отцы и дети». Хорошо известно, что ни «отцы», ни «дети» тогда роман не приня-

ли: старшее поколение увидело в нем апологию нигилизма, а молодежь — пасквиль на своих героев. Как разочарованно заметила Тургеневу одна читательница, было бы правильнее озаглавить роман: «Ни отцы, ни дети» [54, с. 187–188]. Напротив, сам писатель, видевший не только то, что разделяло поколения, но и то, что было у них общего, вполне мог бы, наверное, озаглавить свой любимый роман: «И отцы, и дети». На отца и сына Герценов можно было бы посмотреть тургеневскими глазами, если бы вопросы, вызывавшие их разногласия, — существует ли человеческая природа? и какие науки должны изучать человека? — были бы уже решены.

Литература

1. Герцен А. И. Собр. соч. В 30 томах. М., 1954–1966.
2. Сеченов И. М. Автобиографические записки. М., 1945.
3. Бехтерев В. М. Автобиография (посмертная). М., 1928.
4. Герцен П. А. Избранные труды. М., 1956.
5. Меншик Ю. Л. Дилетанты, революционеры и ученые // Вопросы истории естествознания и техники. 1995. № 2. С. 21–34.
6. Паперно И. Семиотика поведения: Николай Чернышевский — человек эпохи реализма. М., 1996.
7. Герцен и Огарев в кругу родных и друзей // Литературное наследство. Т. 99. Кн. 1 и 2 / Ред. Л. Р. Ланский и С. А. Макашин. М., 1997.
8. Berlin I. Russian Thinkers / Ed. by Henry Hardy, Aileen Kelly. London: Penguin Books, 1978.
9. Летопись жизни и творчества А. И. Герцена, 1812–1870. Т. 1: 1812–1850. М., 1974.
10. Прокофьев В. А. Герцен. М., 1979.
11. Володин А. И. Александр Иванович Герцен о развитии науки (К характеристике интерпретации и критики Гегеля в русской мысли XIX в.) // Ученые о науке и ее развитии. М., 1971. С. 159–193.
12. Герцен А. И. Избр. философские сочинения. [М.,] 1940.
13. Герцен А. И. Проза. М., 1985.
14. Герцен А. И. Полн. собр. соч. и писем. В 22 томах. Пг., 1919–1925.
15. Герцен в воспоминаниях современников. М., 1956.
16. Тучкова-Огарева Н. А. Воспоминания. [М.,] 1959.
17. Фогт К. Путешествие на Север вдоль Норвежского берега на Нордкап, остров Ян-Майен и Исландию, предпринятое с мая по октябрь 1861 г. доктором Георгом Бёрне в сопровождении К. Фогта, Г. Гассельгорста, А. Грессли, А. Герцена и описанное К. Фогтом. СПб., 1867.
18. Фогт К. Физиологические письма. СПб., 1863.
19. Пирумова Н. М. Александр Герцен: революционер, мыслитель, человек. М., 1989.
20. Письма Н. П. Огарева к А. А. Герцену // Философские науки. 1966. № 3. С. 92–101.
21. Herzen A. Gli Animali Martiri e i loro Protettori e la Fisiologia. Udienza Pubblica del Tribunale Civile della Ragione. Rapporto Stenografico. Firenze, 1874.
22. Guarnieri Patrizia. Moritz Schiff (1823–1896): Experimental Physiology and Noble Sentiment in Florence // Nicolaas Ripke, ed. Vivisection in Historical Perspective. London: Crom Helm, 1987. P. 105–124.
23. Герцен А. И. Избр. философские произведения. В 2-х тт. Т. 2. М., 1946.
24. Herzen A. Physiologie de la volonté. Paris: Baillière, 1874.
25. Revue philosophique. 1876. Vol. 2. P. 290–293.
26. Герцен А. А. Общая физиология души (Psychophysiologie générale). СПб., 1890.
27. Герцен А. А. Физиологические беседы. СПб., 1901.

28. Чернышевский Н. Г. Антропологический принцип в философии. М.-Л., 1944.
29. Михайловский Н. К. Литературная критика и воспоминания. М., 1995.
30. Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1942.
31. Ярошевский М. Г. Сеченов и мировая психологическая мысль. М., 1981.
32. Кошотоянц Х. С. Очерки по истории физиологии в России. М.-Л., 1946.
33. Smith R. Inhibition: History and Meaning in the Sciences of Mind and Brain. London: Free Association Books, 1992.
34. Кошотоянц Х. С. Сеченов — основоположник научного изучения психических явлений // Сеченов И. М. Рефлексы головного мозга. М., 1942. С. 5–29.
35. Carr E. H. The Romantic Exiles: A Nineteenth-Century Portrait Gallery. Boston: Beacon Press, 1961.
36. Malik K. Man, Beast and Zombie: What Science Can and Cannot Tell us about Human Nature. London: Weidenfield and Nicolson, 2000.
37. Maudsley H. Physiologie de l'esprit. Traduit de l'anglais par Alexandre Herzen. Paris: c. Reinwald, 1879.
38. Herzen A. Le Cerveau et l'activité cérébrale au point de vue psycho-physiologique. Paris: Baillière, 1887.
39. Герцен А. А. Наука и нравственность. Лекция для мужской молодежи / Пер. с франц. Изд. 3-е. СПб., 1905.
40. Acton E. Alexander Herzen and the Role of the Intellectual Revolutionary. London: Cambridge Univ. Press, 1979.
41. Manuel F. E., Manuel F. P. Utopian Thought in the Western World. Cambridge, MA: Belknap Press, 1979.
42. Bichat X. Recherches physiologiques sur la vie et la mort. Paris: Brosson et Gabon, 1805.
43. Heller L., Niqueux M. Histoire de l'utopie en Russie. Paris: Presses Universitaires de France, 1995.
44. Robert (le jeune) L.-J.-M. Nouvel essai sur la mégalantropogénésie, ou l'art de faire des enfants d'esprit, qui deviennent de grandes hommes, 2nd ed. V. 1. Paris: Normant, 1803.
45. Buffon J.-L. Histoire naturelle. Textes choisis et présentés par Jean Varloot. Paris: Gallimard, 1984.
46. Carol A. Histoire de l'eugenisme en France. Les médecins et la procréation, XIXe–XXe siècle. Paris: Seuil, 1995.
47. Canguilhem G. L'Homme et l'animal du point de vue psychologique selon Charles Darwin // Canguilhem Georges. Etudes d'histoire et de philosophie des sciences concernant les vivants et la vie. Paris: J. Vrin, 1994. P. 112–125.
48. Nisbet R. History of the Idea of Progress. New Brunswick and London: Transaction, 1994.
49. Morgan S. R. Schelling and the Origins of his Naturphilosophie // Cunningham, Andrew and Nikolaj Jardine, eds. Romanticism and the Sciences. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1990.
50. Smith R. The Fontana History of the Human Sciences. London: Fontana, 1997.
51. Gauchet M. L'Inconscience cérébral. Paris: Seuil, 1992.
52. Ruyer R. L'Humanité de l'avenir d'après Cournot. Paris: F. Alcan, 1930.
53. Siciliani P. Prolégomènes à la psychogénie moderne. Traduit de l'italien par A. Herzen. Paris: Baillière, 1880.
54. Schapiro L. Turgenev: His Life and Times. Cambridge, MA: Harvard Univ. Press, 1982.